

А. А. Зейферт

Анафема в Вельске в 1909 г.: восприятие указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г.

УДК 94(470)+271.2-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_2_152
EDN KOXEDO

Аннотация: В статье ставится задача показать отношение к императорскому указу «Об укреплении начал веротерпимости» от 17.04.1905 г. в консервативных церковных кругах русского общества рубежа XIX–XX вв., продемонстрировать эвристические возможности делопроизводственных документов для изучения менталитета духовенства. В качестве основного источника используются неопубликованные материалы из Государственного архива Вологодской области. Автор приходит к выводу, что Вологодским архиепископом Никоном (Рождественским) указ был воспринят крайне негативно, вплоть до того, что его положения были проигнорированы архиереем при принятии им решения об анафеме. Статья написана на основе доклада, сделанного автором на VII Барсовских чтениях (Санкт-Петербургская духовная академия, 08.12.2023 г.).

Ключевые слова: анафема, указ «Об укреплении начал веротерпимости», архиепископ Никон (Рождественский), Вельск, духовенство, веротерпимость, православие.

Об авторе: **Анастасия Александровна Зейферт**

Аспирант Центра истории религии и Церкви Института Российской истории РАН.

E-mail: zeifert15@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5178-0828>

Для цитирования: Зейферт А. А. Анафема в Вельске в 1909 г.: восприятие указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 152–161.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 31.01.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2024

Anastasia A. Seifert

**Anathema in Velsk in 1909: Perception of the Decree
“On Strengthening the Principles of Religious Tolerance”
of April 17, 1905**

UDK 94(470)+271.2-9

DOI 10.47132/1814-5574_2024_2_152

EDN KOXEDO

Abstract: The article is aimed to show the attitude to the imperial decree “On strengthening the principles of religious tolerance” of April 17, 1905 in the conservative church circles of the Russian society at the turn of the 19th–20th centuries. Another task is to demonstrate some heuristic possibilities of clerical documents for studying the mentality of the clergy. Unpublished materials from the Vologda Oblast State Archive are used as the main source. The conclusion is made that the decree was perceived extremely negatively by archbishop Nikon of Vologda (Rozhdestvensky), up to the point that he ignored its provisions, when making a decision on anathema. The article was written on the basis of the report delivered at the VIIIth Barsov Readings (St. Petersburg Theological Academy, 12.08.2023).

Keywords: anathema, decree on strengthening religious tolerance, archbishop Nikon (Rozhdestvensky), Velsk, clergy, religious tolerance, Orthodoxy.

About the author: **Anastasia Alexandrovna Seifert**

Postgraduate student, Center for the History of Religion and the Church of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: zeifert15@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5178-0828>

For citation: Seifert A. A. Anathema in Velsk in 1909: Perception of the Decree “On Strengthening the Principles of Religious Tolerance” of April 17, 1905. *Khristianskoye Chteniyе*, 2024, no. 2, pp. 152–161.

The article was submitted 12.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 31.01.2024.

17 апреля 1905 г. был опубликован императорский указ «Об укреплении начал веротерпимости». Православная Церковь, имея господствующее положение, оказалась не готова к потере традиционных привилегий и вступлению даже в слабоконкурентные отношения с другими конфессиями. Многие исследователи рассматривают в своих работах принятие этого указа как один из важных этапов нарастающего кризиса между Церковью и государством [Werth, 2015, 14–16; Гайда, 2014, 24–27; Зырянов, 1984, 84; Федоров, 2003, 254–255; Фирсов, 2002, 175–193].

Одним из малоизвестных эпизодов, связанных с последствием данного указа, оказалось дело Малаховых в Вологодской губернии, в котором достаточно рельефно отразились и характерные черты религиозной и общественной жизни той эпохи, и ее противоречия.

Дело «По отношению Вологодского Губернского правления о желании крестьян Александра Малахова и Евдокии Суетиной, проживающих в г. Вельске, перейти из православного вероисповедания в протестантское» с января 1908 до мая 1909 гг. сохранилось в Вологодском государственном архиве в фонде Вологодской консистории (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616). К делу приобщены следующие документы: отношения губернского правления, выписки из журнала консистории, распоряжения консистории священнику, рапорты священника, справка из светского и церковного права, которая содержит выдержки из Духовного регламента и указа «Об укреплении начал веротерпимости», распоряжения архиепископа. Обстоятельства этого дела также отразились в мемуарах сына Малахова и Суетиной, Александра Александровича Малахова, «Воспоминания геолога-разведчика» (Малахов, 2019).

Обозначим вкратце ход событий. Александр Малахов и Евдокия Суетина — семейная пара, у которой на момент начала делопроизводственного процесса было трое детей. Они родственники друг другу, состоят в двухродном свойстве, что является препятствием для брака в Православной Церкви (Устав духовных консисторий, 1900, 80). Им удалось в 1903 г. повенчаться в Москве, но в июне 1908 г. Московскому епархиальному начальству стало известно о том, что существует препятствие для их брака. Вследствие этого брак расторгли, детей признали незаконнорожденными, а Малахову и Суетиной назначили епитимью (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 3). Информации о том, каким образом это стало известно в Москве, в деле нет. Малахов и Суетина, желая сохранить свой брак, приняли решение перейти в протестантское вероисповедание, поскольку там двухродное свойство не является препятствием браку. Такую возможность давал указ Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.¹ (Об укреплении начал веротерпимости, 1905). Согласно указу, процедура выхода из православия должна была быть простой. Священник должен был провести увещание, а консистория, в случае их отказа, принять во внимание аргументы, выдвигаемые «отпадающими» на беседе со священником, и отправить в губернское правление документ о том, что увещание результатов не дало. Губернское правление, в свою очередь, должно было подтвердить выход из православия. Для того чтобы оценить, какое количество людей воспользовались правом перехода в другие конфессии, и понять, насколько уникальна ситуация Малахова и Суетиной, надо обратиться к «Всеподданнейший отчету Ober-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания». В нем говорится, что в основном переходили в католичество, ислам и лютеранство. Всего по России за 1905–1907 гг. в протестантизм перешло 11806 человек, причем лидирующими епархиями по переходу в лютеранство были Рижская, Финляндская и Санкт-Петербургская. Вологодская епархия в этом списке совсем не фигурирует (Всеподданнейший отчет, 1910). То есть мы можем предположить, что вообще явление было распространено, но для Вологодской епархии это было исключительной ситуацией.

Следствие изначально развивается по указанному сценарию. Консистория получает обращение из губернского правления и 2 января 1909 г. отдает распоряжение

¹ Здесь и далее даты даны по старому стилю.

приходскому священнику Иоанну Тодоровскому, настоятелю Вельского городского собора, чьими прихожанами являются Малахов и Суетина, провести их увещание и узнать, что именно является причиной их желания выйти из православия (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 2).

Беседа была записана священником и послана в виде рапорта о проведенном «увещании». Данное увещание, согласно отчету, предоставленному священником, выглядело следующим образом: священник задавал вопросы касательно происхождения, социального статуса, занятий, семейного положения, причин перехода.

При «увещании» Александр и Евдокия настаивали на разных причинах перехода. Александр Малахов утверждал, что переход связан с его убеждениями и несогласием в богословских вопросах с православным вероучением, а развод является не причиной, но поводом к смене конфессии: «...он по своим верованиям и убеждениям не был православным еще со второго курса гимназии, что может подтвердить начальство архангельской гимназии; по окончании гимназии в 1897 он поступил в Московский университет, который не окончил, не сдав государственного экзамена, был около года за границей, по возвращении оттуда проживал в разных городах России, а больше в Архангельске; в Вельске живут они второй год. <...> Работал на гончарном заводе, на котором высмаливал бочки. — С 1905 года, с объявления высочайшего указа от 17-го апреля 1905 года о свободе вероисповедания задумал я выйти из православия, но не было побудительной к тому причины, и развод нас с супругой окончательно побудил меня оставить православие и перейти в протестантство» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 3 об.).

Евдокия Суетина формулирует причину несколько по-другому: «...она 25 лет, после окончания Архангельского епархиального училища в 1901 училась на Московских педагогических курсах; в последний раз говела в 1903 году перед венчанием в брак с Александром Малаховым; религиозные верования у меня аналогичны с мужем; в протестантстве брак наш будет считаться законным, так как двухродное свойство в протестантстве не считается препятствием к вступлению в брак, а только кровное родство и поэтому дети наши будут признаны законными. Решение наше окончательно и никакие убеждения епархиального начальства не могут остановить нас, так как теперь признана Высочайшим указом 17 апреля 1905 года свобода вероисповеданий» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 3 об. — 4). Суетина указывает, что основная причина все же в том, что Православная Церковь разлучает их семью, и она так поступает в большей степени ради детей, которые в противном случае потеряют право получить фамилию отца, наследовать его имущество и т. п. [Селюстина, 2015, 65].

А. А. Малахов в мемуарах пишет о своих родителях следующее: «Александр Егорович Малахов родился 9.3.1876 г. в деревне Запаково. Пятилетним мальчиком в 1881 г. переезжает вместе с отцом в с. Ушаковское. В 1897 г. закончил Ломоносовскую гимназию в Архангельске. В следующем году поступил на естественно-математический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова² в Москве. За участие в крупных студенческих беспорядках осенью 1899 г. был исключен из вуза без права поступления в Вузы России и выслан за границу. День его высылки можно установить точно. На станции Вержболово тем же поездом выезжал за рубеж В. И. Ленин /июль 1900/. Отец видел его сидящим на скамейке и читающим газету. За рубежом некоторое время жил в Германии и Англии, в том же году вернулся на родину и выслан по месту жительства» (Малахов, 2019). О своей матери Малахов пишет, что она была учительницей.

Такие возможности для обучения были у Александра Малахова в связи с тем, что его отец был успешным предпринимателем на Севере, занимавшимся закупкой смолы, и, по словам внука, был «самым богатым человеком, вероятно, во всей долине реки Суланды». Важно и то, что отец Александра Малахова был искренне верующим человеком: в своем селе он построил деревянный храм на кладбище, церковно-приходскую школу и даже преподавал в ней (Малахов, 2019).

² С 13 (25) января 1755 г. по 23 февраля (8 марта) 1917 г. — Императорский Московский университет.

Интересно, что в материалах консисторского дела никак не упоминается участие в революционной деятельности и политическая неблагонадежность Александра Малахова. Это или неизвестно, или по каким-то причинам считается незначительной деталью.

Также следует обратить внимание на то, что в тексте рапорта о первом увещании ничего не сказано о попытках священника изменить мнение супругов, о содержании беседы, которую он провел с Малаховым и Суетиной, что дает нам полное основание предположить, что как такового «увещания» во время первой беседы просто не было. Отчет о беседе заканчивается стандартной формулировкой, которая упоминается в увещаниях в случаях перехода в другую религию: «Решение наше окончательное и никакие убеждения Епархиального начальства не могут остановить нас, так как теперь признана Высочайшим указом 17 Апреля 1905 года свобода вероисповеданий» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 3 об. — 4); [Степанов, 2023, 332]. Никакого комментария священника после этой фразы нет, только его подпись. Можно предположить, что и он убежден в том, что на этом его рапорте дело будет окончено, поскольку никаких формальных причин запретить выход из православия нет.

Но после того как 7 января рапорт свящ. Иоанна Тодоровского был подан в консисторию, 13 января на указе консистории о проведении увещания появилась резолюция Вологодского архиепископа следующего содержания: «В случае безуспешности увещаний священника объявить отклоняющимся, что они будут отлучены от церкви и преданы анафеме пока не раскаются в своей измене Православной Церкви» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 2). С 1906 по 1912 гг. Вологодским и Тотемским архиепископом был Никон (Рождественский), неординарная личность, известная своими ультраконсервативными взглядами и активным осуждением революции 1905 г., за что его и переместили из Москвы в Вологду. Его характер и церковная деятельность описывались в либеральной прессе того времени (журнал «Утро России») следующим образом: «...он и мирных-то обитателей способен раздражить, и довести чуть не до бунта, а его послали вразумлять и примирять уже и без того достаточно ожесточенных людей» (Никон Рождественский, 2013, 69). В Вологде еп. Никон был почетным председателем Союза русского народа [Православная энциклопедия, 2018]. Важно, что епископ не одобрял указ Николая II «Об укреплении начал веротерпимости», поэтому все случаи перехода из православия в другую религию воспринимались им резко отрицательно, он пытался их предупреждать и останавливать в рамках своих возможностей. Такое отношение к указу в то время было характерно для многих видных иерархов (см.: [Фирсов, 2002, 177–178]).

Вопрос о возможности и процессе перехода в другую конфессию Вологодской духовной консисторией решался с опорой на Духовный регламент (1721) — источник церковного права с 1721 по 1917 гг. в Российской империи. Об этом мы можем судить по выписке из Духовного регламента, которая предоставлена в справке к этому делу столоначальником Голубевым, и в определении консистории от 16 февраля, где указано: «На докладе по сему делу Его Преосвященство положил резолюцию: „направить дело к отлучению от церкви по Д. Регламенту и существующим узаконениям“» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 10–12 об.). Но подобной ситуации в Духовном регламенте предусмотрено не было; там нигде не сказано, как следует поступать, если православный христианин желает перейти в другую веру. В Духовном регламенте говорится, как следует поступать архиерею, если человек уклоняется в ересь, что совершенно не подходит к тем обстоятельствам, которые описаны в материалах дела. Понятие «ересь» предполагает, что человек, продолжая себя считать православным, искажает догматы и основные положения церковного Предания. Если человек ведет себя подобным образом, то архиерей просит его духовника поговорить с ним, «провести увещание», если же и это не помогло, тогда архиерей должен поговорить с этим человеком лично, постараться его убедить, и только после этого принимать решение об анафеме (Духовный регламент, 1861, 32–33). В других источниках, регулирующих правоотношения в религиозной сфере, также не удалось найти информацию о правилах и обстоятельствах принятия решения

об объявлении анафемы. В «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений» не указано, что Церковь объявляет анафему отступнику от православия, там содержатся указания, что дело в таком случае передается в суд (Устав о предупреждении и пресечении преступлений, 1857, 5). В «Уставе Консистории» также это не регламентируется (Устав духовных консисторий, 1900).

В данной ситуации очевидно, что, несмотря на вступление в силу указа о веротерпимости от 1905 г., дававшего возможность беспрепятственного выхода из православного вероисповедания и перехода в другое, дело о переходе в другую конфессию фактически считается церковным начальством попыткой уклониться в ересь, потому что процедура делопроизводства осуществляется именно по модели объявления этого желания ересью. Соответственно, указ архиеп. Никона противоречит действующему законодательству. Это осознается членами консистории, поскольку 12 января 1909 г. появляется резолюция, в которой говорится о необходимости дать объяснения губернскому правлению по поводу того, что увещания священника не противоречат указу «Об укреплении начал веротерпимости» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 5 об.). В материалах дела есть справка, отправленная в губернское правление, в которой содержатся выдержки из действующего законодательства, применимого к этому делу. Помимо цитаты из Духовного регламента, приведены также цитаты из «Указа об укреплении начал веротерпимости» и из «Разъяснений от 18 августа 1905 года Министра Внутренних дел на указ 17 апреля», в которых четко и недвусмысленно говорится, что никаких гражданских последствий за это действие не может быть. Однако архиеп. Никон пишет на этой справке резолюцию: «Анафема есть право духовного суда и ни положения Комитета министров, ни циркуляры Министра Вн. Дел не могут отнять у Епископа право формально отлучить от Церкви тех, которые сами от нее отпали» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 13). При этом по правилам, действовавшим в синодальный период, епископ обязательно должен был сообщать с Синодом по этому вопросу и получать от него разрешение на анафематствование (см.: [Суворов, 2004, 259–261; Суворов, 1876, 160–162]).

Важно обратить внимание, что архиеп. Никон отказывается от личной встречи с Малаховым и Суетиной, хотя на необходимость этого строго указывается Духовным регламентом, на который он ссылается, принимая решение об анафеме. В резолюции архиеп. Никона от 23 февраля говорится: «В этом отношении нет надобности в особом разъяснении С. Синода. Нет сомнения и в том, что ни Малахов, ни Суетина на увещание ко мне не пойдут за тысячу верст, и я не могу поехать в Вельск. Остается исполнить указание Регламента — пригласить их в церковь на увещание. Хотя и это не подает надежды на успех, но формальности следует выполнять, о последующем же донести мне» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 13). Аргумент, который приводит владыка Никон, слабый, поскольку из Вологды до Вельска 239 км, а никак не 1000 верст. Скорее всего, архиерею просто не хочется общаться с «отпадающими».

В данной ситуации мы видим, что правящий архиерей ответственность за предотвращение перехода из православия в протестантизм полностью возлагает на приходского священника. Очевидно, это связано отнюдь не с уверенностью архиепископа, что приходской священник окажет большее влияние на эту семейную пару, поскольку он ближе к ним, ему в большей степени знаком их образ жизни и он сможет найти те аргументы, которые на них подействуют и их убедят. Епархиальный архиерей делегирует приходскому священнику все процедуры, предполагающиеся Духовным регламентом для предотвращения «уклонения в ересь» потому, что считает их исключительно формальными и неэффективными. Из этого можно сделать вывод, что в представлении архиерея статус священника прежде всего определяется его исполнительскими функциями. С другой стороны, это определенным образом характеризует отношение архиерея к действующим нормам церковного права: он их использует опционально, они хороши и правильны, когда совпадают с его мнением.

Священник Иоанн Тодоровский в ходе этого дела исполняет поочередно две социальные роли: вначале он играет роль незаинтересованного исполнителя, четко

выполняя предписания консистории, узнавая все необходимые сведения об «отклоняющихся», но личного участия в этом вопросе не принимая. Можно предположить, что он ведет себя таким образом, поскольку предполагает, что или данный вопрос решается формально и никаких ни церковных, ни гражданских последствий за это не будет, ибо существует императорский указ, или рассчитывает на то, что он — промежуточная инстанция и настоящее увещание будет проводить архиерей, а не он. После того как он получает предписание самому проводить последнее увещание, священник начинает исполнять свою социальную роль пастыря для прихожан. Поэтому второе увещание организуется уже по-другому, с большей внимательностью. Священник Иоанн Тодоровский лично приходит в квартиру к Малахову и Суетиной: «...15 марта я еще раз был в квартире у Александра Малахова и Евдокии Суетиной, увещевал и просил их — чтобы остались в православии. Из всех моих бесед с ними я пришел к тому заключению, что к религии и вере Малахов и Суетина относятся индифферентно, лишь бы только найти им легальный путь для совместного между собой сожительства / как поистине глубоко справедливы слова Ап. Павла — 1 Кор. VII, 33³» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 17).

Также свящ. Иоанн Тодоровский обращается в рапорте о втором увещании с просьбой к архиеп. Никону, чтобы не было публичного объявления анафемы в Вельском соборе из следующих соображений: «В г. Вельске и приходе нашем мало известны Малахов и Суетина и потому огласив их поступок в Храме Божиим, сделаем известным всему городу и всем прихожанам зазорное их поведение и уход их из православия и вызовем различные толки по этому поводу, т.е. одни будут говорить, что с ними поступлено согласно правилам церкви, другие будут жалеть их за строгий суд церковный, а некоторые пойдут к Малахову за руководственными указаниями научить и их выйти из православия, особенно которые желают вступить в брак в близких степенях двухродного свойства» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 20.).

Это можно интерпретировать, с одной стороны, как заботу священника о своих прихожанах, желание защитить их от возможного искушения, которое может быть вызвано объявлением анафемы. Священнику отнюдь не все равно, и потому он действует и говорит, исходя из интересов своей паствы, как он их понимает. Это важно, потому что он вполне мог бы не писать этой просьбы, согласившись с тем, что приказал архиерей, понимая, что, скорее всего, его мнение в данной ситуации не примут во внимание. Однако свящ. Иоанн Тодоровский предлагает отлучение от Церкви провозгласить в той деревне, откуда родом Малахов и Суетина, из соображений, что это окажет большее влияние на местных жителей, поскольку они их лично знают, и для самих Малахова и Суетиной это будет более неприятно. Важно еще обратить внимание на то, что священник мог ориентироваться на решение Синода не объявлять всенародно анафему Л. Н. Толстому, чтобы не искушать прихожан (см.: [Ореханов, 2011, 33]).

Одной из процедур, необходимых перед объявлением анафемы, было собеседование в храме перед народом, на котором нужно было публично объяснить причины выхода из православия (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 10). Священник Иоанн Тодоровский несколько раз ходил на квартиру к Евдокии и Александру, пытаясь убедить их сделать это, но они отказались приходить в храм и сообщать всему приходу о причинах выхода из православия (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 19 об.). Их пытались принудить пойти в храм полицейскими мерами, однако губернское правление отказало, признав это незаконным. Священник Иоанн Тодоровский пишет об этом: «К литургии же 22 марта в Собор Малахов и Суетина не явились и Г. Вельский исправник сказал мне, что нет законных оснований вести их в Храм Божий через полицейских чинов» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 16). В итоге, после того

³ Речь идет о цитате из 1 Послания апостола Павла Коринфянам: «а женатый заботится о мирском, как угодить жене».

как второе увещание не дало результатов, священник Иоанн Тодоровский посылает в консисторию рапорт от 17 апреля.

К сожалению, архиеп. Никон (Рождественский) не считал нужным принять во внимание доводы настоятеля Вельского собора, и свящ. Иоанну Тодоровскому было приказано провозгласить анафему Малахову и Суетиной. Формула и обряд анафемы были высланы священнику в виде справки с выпиской из другого дела, где было изложено, как проходило отлучение от церкви дворянина Иваницкого, который уклонился в «армянскую ересь». В справке говорится, что процедура была специально разработана архиеп. Никоном (Рождественским) для подобных случаев. Формула была такова: «Николай Иваницкий остался упорствующим в армянской ереси и не может более именоваться православным. По власти, данной мне недостойному приемнику Св. Апостолов, Господом Нашим Иисусом Христом, (Матф. 18, 18; 16, 19. Иоанн 20, 23 и Мф. 18, 17.) и заповеди апостольской Галат. 1, 8–9, отлучаю его от общения с Господом нашим и верного спасения, если прибудет нераскаянный. Анафема! Аминь!» Этот же текст об отлучении требовалось разместить на дверях приходского храма: «Вывесить сие на дверях церковных (соборного храма) на месячный срок» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 21 об.). Это было необходимо исходя из предписаний Духовного регламента (Духовный регламент, 1861, 27).

Анафема Малахову и Суетиной была объявлена 10 мая 1909 г. свящ. Иоанном Тодоровским в Вельском соборе, причем Александр и Евдокия в этот момент в храме не присутствовали (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616. Л. 23).

Последний документ в архивном деле — это сообщение Вологодского губернского правления, что Александр Малахов и Евдокия Суетина в протестантизм не перешли, поскольку не явились на обряд перехода к евангелическо-лютеранскому проповеднику.

Дополнительные сведения о том, что произошло после объявления анафемы, есть в воспоминаниях сына Малахова и Суетиной: «Вернувшись на Суланду, забирал семью и переезжает в Вельск. Здесь занимается организацией развалившихся смолокурных артелей, строит заводик по обработке дерева для нужд смолокуров. Встречает весьма враждебное и организованное сопротивление со стороны скупщиков смолы, местных толстосумов и жандармерии во главе с исправником. Они хорошо понимали отлучение от православия родителей, анафему, прочитанную с амвона вельских церквей и революционную деятельность отца, а также отказ родителей крестить сына Льва, родившегося в Вельске, усмотрев во всем этом политические моменты, родителей посадили в тюрьму, а перед этим объявили банкротами, продали с молотка лесопилку. Вскоре родителей освободили» (см.: Малахов, 2019).

В этом фрагменте содержится очень важная информация, касающаяся реальной силы анафемы и значения данного наказания, которому были подвергнуты Малахов и Суетина. Можно сказать, что в определенном смысле это была гражданская казнь, поскольку, несмотря на законодательные постановления о веротерпимости и политические изменения в обществе после революции 1905 г., общество в целом было в значительной степени религиозным и традиционным. После объявления анафемы, которая воспринималась тогда как проклятие, с Малаховым как с предпринимателем не хотели иметь дело купцы (см.: [Листова, 2015, 43–44]). Светская власть стала пристальнее обращать внимание на деятельность Малахова как неблагонадежного лица, и в итоге он оказался вместе с женой в тюрьме.

В этом на первый взгляд локальном и незначительном событии отпечатывается вся сложность и противоречивость отношений Церкви, государства и общества тех лет. Православная Церковь, занимавшая господствующее положение в Российской империи, с трудом адаптируется к новой реальности, созданной революцией 1905 г. Решения архиеп. Никона (Рождественского) показывают его желание противопоставить церковную власть государственной, проявить свою власть, — по его мнению, он таким образом защищает Церковь от законов и постановлений, ущемляющих

ее права. Он считает, что архиерей вправе действовать, исходя из своих представлений о пользе для Церкви и общества, не обращая внимания на императорские указы (см.: [Ильяшенко, 2021, 156]). Не желая подчиняться императорскому указу об укреплении веротерпимости, архиепископ обосновывает свои действия Духовным регламентом, который по своей сути также является императорским постановлением, а не опирается на решения Вселенских и Поместных Соборов, использование которых было бы уместнее. Интересно и то, что архиерей не готов включаться по-настоящему в дело о переходе Малахова и Суетиной в протестантизм: его не волнует, что для Малахова, Суетиной и их детей это решение повлечет большие неприятности. Для архиеп. Никона решение об анафеме носит «политический» характер — это демонстрация силы и возможностей Церкви по защите своих прав.

Об общественной реакции на анафему Малахова и Суетиной мы знаем из двух источников: рапорта о втором увещании свящ. Иоанна Тодоровского и воспоминаний сына Малахова и Суетиной о реакции делового окружения Малахова на анафему. Священник считает, что только треть постоянных прихожан его прихода полностью поддержит и одобрит решение об анафеме, что само по себе является достаточно пессимистической оценкой. В воспоминаниях сына говорится, что деловой мир Вельска, который занимался смолокурением, крайне серьезно воспринял анафему Малахова: с ним отказывались вести дела и в итоге он разорился. Как оказалось, при наличии разных тенденций восприятия Церкви решающее влияние имеет не большинство, а те, кто обладают определенным ресурсом, в данном случае экономическим.

Деятельность свящ. Иоанна Тодоровского, благодаря рапортам которого известно об анафеме в Вельске, раскрывается в данной ситуации с иного ракурса. У него есть собственное мнение об этой ситуации, представление о социальном облике своих прихожан, о том, что полезно для них в духовном плане, и он не ощущает себя просто исполнителем, который за жалование по обязанности совершает определенные процедуры. Священник выполняет свои пастырские функции, которые являются определяющими для его деятельности [Kenworthy, 2006].

Источники и литература

Источники

1. ГАВО — Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18616.
2. Всеподданнейший отчет (1910) — Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания. СПб., 1910.
3. Духовный регламент (1861) — Духовный регламент. М., 1861.
4. Малахов (2019) — Малахов А. А. Воспоминание геолога-разведчика. Том 0: Родословная. Кооперативное движение. Русское золото. URL: <https://memoclub.ru/2019/10/vospominaniya-geologo-razvedchika-rodoslovnaya-kooperativnoe-dvizhenie-russkoe-zoloto/> (дата обращения: 01.04.2024).
5. Об укреплении начал веротерпимости (1905) — Новый закон об укреплении начал веротерпимости: Высочайше утверждённый 17 апреля 1905 г. // Собрание узаконений № 63: С разъяснениями. СПб., 1905.
6. Никон Рождественский (2013) — *Архиепископ Никон (Рождественский)*. Православие и грядущие судьбы России. М., 2013.
7. Устав о предупреждении и пресечении преступлений (1857) — Устав о предупреждении и пресечении преступлений. М., 1857.
8. Устав духовных консисторий (1900) — Устав духовных консисторий: с дополнениями и разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената / Сост. М. Н. Палибин. СПб., 1900.

Литература

9. Гайда (2014) — *Гайда Ф. А.* Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914) // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 2 (57). С. 23–57.
10. Ильяшенко (2021) — *Ильяшенко А.* Архиепископ Никон (Рождественский) о соотношении церковной и государственной власти в России // Диакрисис. 2021. № 2 (10). С. 155–162.
11. Листова (2015) — *Листова Т. А.* Грех и наказание в государственной политике, церковной практике и народной религиозности // Традиции и современность. 2015. № 17. С. 38–59.
12. Православная энциклопедия (2018) — Никон (Рождественский Николай Иванович), архиеп. // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 51. С. 17–20.
13. Ореханов (2011) — *Ореханов Ю. Л.* Восприятие конфликта между Русской православной церковью и Л. Н. Толстым современниками писателя в России // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2–1. С. 30–38.
14. Селюстина (2015) — *Селютина Е. Н.* Правовое положение незаконнорожденных в Российской империи во второй половине XIX — начале XX века // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 61–68.
15. Степанов (2023) — *Степанов В.* Пашковцы: сборник статей и документов по истории и богословию движения (1874–1920). СПб., 2023.
16. Суворов (2004) — *Суворов Н. С.* Учебник церковного права. М., 2004.
17. Суворов (1876) — *Суворов Н. С.* О церковных наказаниях СПб, 1876.
18. Фирсов (2002) — *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен: (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002.
19. Федоров (2003) — *Федоров В. А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003.
20. Werth (2006) — *Werth P. W.* Religious Freedom as a Marker of Modernity: The Imperial Bequest // State, Religion and Church. 2015. No. 1. P. 7–18.
21. Kenworthy (2006) — *Kenworthy S. M.* An Orthodox Social Gospel in Late-Imperial Russia // Religion and Society in Central and Eastern Europe. 2006. Vol. I. P. 1–29.